

Оглавление

Предисловие к изданию 2014 года	7
От автора	12
Пролог. ТЯЖЕЛЕЕ НЕБЕС	
<i>Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. 12 января 1992</i>	15
Глава 1. СПЕРВА ВОПЯ ЧТО ЕСТЬ МОЧИ	
<i>Абердин, Вашингтон. Февраль 1967 – декабрь 1973</i>	21
Глава 2. НЕНАВИЖУ МАМУ, НЕНАВИЖУ ПАПУ	
<i>Абердин, Вашингтон. Январь 1974 – декабрь 1979</i>	35
Глава 3. ЗАНУДА МЕСЯЦА	
<i>Монтесано, Вашингтон. Июль 1979 – март 1982</i>	52
Глава 4. МАЛЬЧИК С СОСИСКОЙ PRAIRIE BELT	
<i>Абердин, Вашингтон. Март 1982 – март 1983</i>	65
Глава 5. ВОЛЯ ИНСТИНКТА	
<i>Абердин, Вашингтон. Апрель 1984 – сентябрь 1986</i>	87
Глава 6. Я ЛЮБИЛ ЕГО НЕ ТАК СИЛЬНО	
<i>Абердин, Вашингтон. Сентябрь 1986 – март 1987</i>	111
Глава 7. СУПИ СЕЙЛС В МОИХ ШТАНАХ	
<i>Реймонд, Вашингтон. Март 1987</i>	122
Глава 8. В ШКОЛЕ	
<i>Олимпия, Вашингтон. Апрель 1987 – май 1988</i>	131
Глава 9. СЛИШКОМ МНОГО ЛЮДЕЙ	
<i>Олимпия, Вашингтон. Май 1988 – февраль 1989</i>	152
Глава 10. РОК-Н-РОЛЛ ЗАПРЕТЯТ	
<i>Олимпия, Вашингтон. Февраль 1989 – сентябрь 1989</i>	177
Глава 11. КОНФЕТКИ, ЩЕНОЧКИ, ЛЮБОВЬ	
<i>Лондон, Англия. Октябрь 1989 – май 1990</i>	198
Глава 12. ТАК ЛЮБЛЮ ТЕБЯ	
<i>Олимпия, Вашингтон. Май 1990 – декабрь 1990</i>	215
Глава 13. БИБЛИОТЕКА РИЧАРДА НИКСОНА	
<i>Олимпия, Вашингтон. Ноябрь 1990 – май 1991</i>	234

Глава 14. СЖИГАТЬ АМЕРИКАНСКИЕ ФЛАГИ	
<i>Олимпия, Вашингтон. Май 1991 – сентябрь 1991</i>	250
Глава 15. КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА Я ПРОГЛАТЫВАЛ...	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Сентябрь 1991 – октябрь 1991</i>	267
Глава 16. ЧИСТИ ЗУБЫ	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Октябрь 1991 – январь 1992</i>	285
Глава 17. МАЛЕНЬКИЙ МОНСТР ВНУТРИ	
<i>Лос-Анджелес, Калифорния. Январь 1992 – август 1992</i>	304
Глава 18. РОЗОВАЯ ВОДА, ЗАПАХ ПОДГУЗНИКОВ	
<i>Лос-Анджелес, Калифорния. Август 1992 – сентябрь 1992</i>	325
Глава 19. ТОТ ЛЕГЕНДАРНЫЙ РАЗВОД	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Сентябрь 1992 – январь 1993</i>	345
Глава 20. ГРОБ В ФОРМЕ СЕРДЦА	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Январь 1993 – август 1993</i>	363
Глава 21. ПОВОД УЛЫБНУТЬСЯ	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Август 1993 – ноябрь 1993</i>	381
Глава 22. БОЛЕЗНЬ КОБЕЙНА	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Ноябрь 1993 – март 1994</i>	400
Глава 23. СЛОВНО ГАМЛЕТ	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Март 1994</i>	420
Глава 24. ВОЛОСЫ АНГЕЛА	
<i>Лос-Анджелес, Калифорния. 30 марта – 6 апреля 1994</i>	439
Эпилог. ЗАГРОБНЫЙ МИР ЛЕОНАРДА КОЭНА	
<i>Сиэтл, Вашингтон. Апрель 1994 – май 1999</i>	458
Примечания об источниках	470
Благодарности	477

Предисловие к изданию 2014 года

Эта книга была впервые опубликована в сентябре 2001 года, с «официальной» датой выхода 24-го числа упомянутого месяца, совпадающей с десятилетней годовщиной *Nevermind*. Об этом юбилее *Nevermind* практически не говорилось в прессе, потому что атаки, случившиеся 11 сентября, затмили мир в том месяце, включая любую годовщину, связанную с Nirvana.

За годы, прошедшие с момента первой публикации книги «Тяжелее Небес», я получил тысячи бумажных и электронных писем от читателей, но ни одно из них не было более памятным, чем то, которое пришло всего через неделю после сентябрьских терактов. Человек, написавший его, работал в одной из башен Всемирного торгового центра. Он сидел за своим столом и читал книгу «Тяжелее Небес» в тот момент, когда первый самолет врезался в соседнюю башню. Мужчина эвакуировался и выжил, но ему хотелось, чтобы я знал, что он оставил свой экземпляр «Тяжелее Небес» в башне. Я попросил своего издателя отправить ему еще один экземпляр книги, поскольку он сказал, что не дочитал ее. Это был странный, сюрреалистический поворот, который каким-то образом связывал эту конкретную творческую работу с трагедией или, по крайней мере, заставлял меня чувствовать пусть и слабую, но связь.

Это чувство личной причастности, которое возникало даже во время невообразимой трагедии или на огромном расстоянии, отражает то, что многие читатели этой книги выражали на протяжении многих лет о связи, которую они чувствуют с Куртом Кобей-

ном. Вряд ли кто-то из них знал Курта, но тем не менее его смерть ощущалась как личная потеря. В некотором смысле это и было чем-то личным, потому что смерть Курта была также и смертью Nirvana, и каждый, кто любил эту группу, тоже что-то потерял. Это огромная потеря, которую ощутили не одно и даже не два поколения, но и те, кто ни разу не видел концерт Nirvana, никогда не встречался с Куртом, кто не умеет говорить по-английски или даже еще не родился на тот момент, когда Курт ушел из этого мира двадцать лет назад.

Я ощущаю эту потерю даже через тринадцать лет после публикации этой книги и два десятилетия после смерти Курта. Редко бывает хотя бы одна неделя, когда во мне не просачивается печаль о том, что могло бы быть или как могла бы измениться судьба, не случись этой трагедии.

Поскольку Курт был публичной личностью, с жизнью, прожитой в заголовках газет, легко забыть о том, что его смерть была еще большей трагедией для тех, кто знал его лично. И в процессе написания этой книги многие из этих людей вошли в мою жизнь, и многие остались ее частью. Каждый здравомыслящий биограф знает, что писатель может показать только очень маленькую часть любой жизни — кусочек, — независимо от того, насколько велика его книга. Вирджиния Вулф¹ однажды заметила, что биография «считается завершенной, только если в ней всего шесть или семь «я», в то время как у человека их может быть тысячи». Я стараюсь писать свои биографии для широкого круга читателей, а не только для близких людей моего героя. Тем не менее очень льстит тот факт, что те, кто знал вашего субъекта, говорят, что вы смогли уловить часть его сущности, одно из этих тысяч «я». Вы надеетесь, что ваша книга заставит кого-то почувствовать, хотя бы на мгновение, что они снова встретили своего потерянного друга. Я слышал те самые слова, которые заставили меня ощутить себя достойным этих усилий.

Если бы я писал *«Тяжелее Небес»* сейчас, то мог бы еще более прямо описать процесс, посредством которого мне был предо-

¹ Британская писательница и литературный критик. Ведущая фигура модернистской литературы первой половины XX века.

ставлен доступ к дневникам, письмам и бумагам Курта. Эта книга была написана без «одобрения» кого-либо, хотя иногда я видел противоположные предположения в интернете. Я получил различные материалы из ряда источников, включая Кортни Лав, которая владеет большей частью дневников Курта, но не всеми. У четырех других источников также были припрятаны дневники и письма. Лав любезно позволяла мне изучать дневники, которые были у нее, не получая ничего взамен. Она не читала эту рукопись заранее и в итоге была недовольна некоторыми моментами в ней.

Действующий менеджер Лав организовал для меня изучение дневников Курта. На три дня я остался совершенно один в доме в каньоне недалеко от Лос-Анджелеса с несколькими вещевыми мешками, полными дневников Курта и Кортни, и с кучей различных бумаг и рисунков. Я не думаю, что кто-то из сторон знал о том, что в них находилось, потому что многое из того, что там лежало, было очень личного характера: медицинские записи и налоговые декларации. Курт и Кортни жили в хаосе, и я предполагаю, что их личные вещи были закинута в эти сумки, заброшены в шкаф после смерти Курта и оставались нетронутыми до тех пор, пока за них не взялся я.

Дневники были необыкновенными. На многих страницах были пятна, которые могли быть чем угодно: кофе, газировкой и, возможно, даже следами от употребления наркотиков. Также там были и засохшие пятна крови.

Однажды поздно вечером в этом пустом доме я наткнулся на страницы, на которых Курт умолял Бога помочь ему избавиться от своей пагубной привычки. Эти слова были одним из самых жутких и печальных моментов в моей жизни. Я не знаю, как объяснить то, почему кто-то смог, а Курт так и не завязал с наркотиками и алкоголем. Во время написания *«Тяжелее Небес»* я узнал много информации об истории его раннего детства, которое сформировало личность Курта Кобейна, но также оно оставило у меня много духовных вопросов, на которые невозможно найти ответы.

Если бы сейчас у меня была возможность переписать эту книгу, то я мог бы пересмотреть структуру последней главы. Как читатель я не люблю сноски в тексте, поскольку чувствую, что они

выводят меня из транса, в который я надеюсь войти, и из картин, которые я рисую в своем воображении, когда читаю биографию. Тем не менее у меня было несколько молодых читателей, которые на протяжении многих лет писали мне и спрашивали, как я узнал, например, какой CD слушал Курт, или, может быть, я просто «придумал это».

Я собрал эту книгу по кусочкам из более чем трехсот интервью, а также из обширных полицейских отчетов. Поскольку самоубийство Курта было тщательно расследовано – несмотря на шумиху в интернете, которая предполагает, что это было убийство или заговор, – мне был предоставлен доступ к ряду документов, которые помогли собрать по кусочкам последние дни жизни Курта. Альбом *Automatic for the People* группы R.E.M. находился в его CD-проигрывателе, который был включен, когда полиция осматривала комнату; однако, когда поисковые группы обыскивали дом за несколько дней до трагедии в поисках Курта, стерео было выключено. Одни только эти подробности, касающиеся данного факта, сделали бы очень длинную сноску к одному предложению.

Также я старался не вставлять себя в текст в качестве рассказчика от первого лица. Я знал, что Курт сильно нажимал на ручку, когда писал свою предсмертную записку, ведь когда я держал настоящую записку в руке, то мог рассмотреть глубокие отпечатки слов на бумаге. Прошло почти полтора десятилетия с тех пор, как я держал эту записку, но я все еще чувствую ее эмоциональную тяжесть. Были места, где он нажимал так сильно, что перо проходило сквозь бумагу. Для этой книги мною были исследованы предсмертные записки, и я заметил, что зачастую их авторы демонстрируют почерк гораздо более аккуратный, чем обычно, так сильно желая в последний раз пообщаться с миром. Опять же, я мог бы добавить эти детали в виде очень длинной сноски, но это было бы вторжением в историю.

Некоторые части истории имеют свое продолжение даже после выхода этой книги в 2001 году. Многие из моих собеседников умерли, в том числе дедушка Курта, которого я хорошо знал на протяжении нескольких лет. Несмотря на то что эта книга частично разоблачает сущность Лиланда Кобейна, он все же пришел на мое дебютное чтение книги в Абердине в сентябре 2001 года. Ли-

ланд сидел в первом ряду, и, учитывая его репутацию человека, время от времени прибегающего к насилию, я подумал, не замахнется ли он на меня. Вместо этого Лиланд с гордостью подписывал экземпляры книги, сидя со мной за одним столом. Я убежден, что он никогда не читал *«Тяжелее Небес»*. Лиланд много раз приглашал меня в свой трейлер, и старение придавало мягкость его напыщенности. Он был удивительно похож на Курта.

Некоторые из тех, кого я процитировал здесь, кто вырос с Куртом в Абердине или бежал с ним в Сиэтл, с тех пор умерли от проблем, связанных со злоупотреблением наркотиками и алкоголем. Это ужасное продолжение этой истории, но оно также свидетельствует о печальной истине, которую я доказывал в течение некоторого времени: борьба Курта с зависимостью была так же укоренена в его раннем детстве и в его генетике, как и в славе.

Я понимаю, что все мы ищем оправдание смерти, особенно самоубийству, и что в случае Курта легче обвинять других, чем принять выбор, который он сделал сам. Если вы любили музыку Курта, значит, вы любили и его. Гнев и разочарование, присущие его самоубийству, трудно переварить. Даже через двадцать лет после смерти Курта трудно понять, где он был в тот день, какие чувства испытывал, какие решения принимал и какими были последние мгновения его жизни.

Но среди этой боли искусство продолжает жить своей собственной жизнью. Оно остается актуальным, дышащим и, я бы сказал, таким же важным, как и более двух десятилетий назад. Я до сих пор нахожу жизнь Курта неотразимой и порой вдохновляющей, учитывая то, над чем он возвышался. Курт переступал через свою боль, чтобы заниматься искусством, и это, несомненно, достойно восхищения. Мы все еще можем многое из этого почерпнуть.

— Чарльз Р. Кросс

Март 2014 года

От автора

Меньше чем в миле от моего дома стоит здание, от которого у меня по спине пробегает кладбищенский холодок, как от фильма Альфреда Хичкока. Серое одноэтажное строение окружено высоким сетчатым забором, необычная охрана в районе среднего класса с забегаловками и квартирами. За оградой находятся три коммерческие организации: парикмахерская, офис *State Farm Insurance* и *Stan Baker, Shooting Sports*. Именно в последнем из перечисленных мест 30 марта 1994 года Курт Кобейн и его друг приобрели дробовик «Ремингтон». Позже владелец этой лавки сказал в интервью какой-то газете, что не понял, зачем кому-то покупать такое ружье, когда «сезон охоты» еще не наступил.

Каждый раз, проезжая мимо *Stan Baker*, я чувствую себя так, словно стал свидетелем ужасного дорожно-транспортного происшествия. События, последовавшие за покупкой Куртом оружия в этой оружейной лавке, вызывают у меня одновременно глубокую тревогу и желание навести справки, которые, как я знаю, по самой своей природе непостижимы. Это вопросы, касающиеся духовности, роли безумия гениального актера, пагубного воздействия наркотиков на душу и желания понять пропасть между внутренним и внешним миром человека. Все они слишком реальны для любой семьи, которую коснулась зависимость, депрессия или самоубийство. Для семей, окутанных такой тьмой, в том числе и для меня, необходимость задавать вопросы, на которые невозможно ответить, что-то вроде своей собственной охоты.

Подобные тайны подпитывали эту книгу, но в определенном смысле ее зарождение началось много лет назад, во время моей юности в маленьком вашингтонском городке, где ежемесяч-

ные посылки из *Columbia Records* и *Tape Club* предлагали мне спасение от происходящего в виде рок-н-ролла. Отчасти вдохновленный этими альбомами, полученными по почте, я оставил тот сельский пейзаж, чтобы стать автором и редактором журнала в Сиэтле. Несколько лет спустя Курт Кобейн нашел похожую трансцендентность в том же штате и через тот же самый музыкальный клуб и превратил этот интерес в карьеру музыканта. Наши пути пересеклись в 1989 году, когда мой журнал опубликовал первую статью о Nirvana.

Было легко любить Nirvana, потому что независимо от того, насколько велика их известность и слава, они всегда казались неудачниками, и то же самое можно было сказать и о самом Курте. Он начал свою творческую жизнь в сдвоенном трейлере, копируя иллюстрации Нормана Роквелла, и развил в себе дар рассказчика, который придаст его музыке особую красоту. Как рок-звезда он всегда казался неудачником, но мне нравилось то, как он сочетал подростковый юмор со стариковской сварливостью. Видя Курта в Сиэтле, невозможно было не заметить его нелепую кепку с откидными створками на ушах. Он был выдающимся персонажем в индустрии, где было немного настоящих личностей.

Когда я писал эту книгу, этот юмор казался единственным лучом света в этом сизифовом труде¹. Четыре года исследований, 400 интервью, многочисленные картотеки с документами, сотни музыкальных записей, много бессонных ночей и бесконечные мили езды между Сиэтлом и Абердином — все это было «Тяжелее Небес». Исследования привели меня в такие места (как эмоциональные, так и физические), куда, как мне казалось, я никогда бы не попал. Были моменты большого восторга, как, например, когда я впервые услышал неизданную песню *You Know You're Right*, которая, по моему мнению, относится к лучшим песням Курта. И все же после каждого радостного открытия приходило время почти невыносимого горя, как, например, когда я держал в руке предсмертную записку Курта, видя, что она хранится в коробке в форме сердца рядом с памятным локоном его белокурых волос.

¹ Сизифов труд — это тяжелая, бессмысленная и постоянно повторяющаяся работа. Фразеологизм. — Прим. ред.

При написании «Тяжелее Небес» моя цель заключалась в том, чтобы почтить память Курта Кобейна, беспристрастно рассказав историю его жизни — об этих волосах и этой записке. Такой подход был возможен только благодаря щедрой помощи ближайших друзей Курта, его семьи и товарищей по группе. Почти все, с кем я хотел побеседовать, в конце концов поделились своими воспоминаниями. Исключение составили всего несколько человек, которые планировали написать свою собственную историю, и я желаю им успехов в этих начинаниях. Жизнь Курта была сложной головоломкой, тем более что он скрывал так много деталей, и такое дробление было как конечным результатом зависимости, так и питательной средой для нее. Временами мне казалось, что я изучаю шпиона, опытного двойного агента, который овладел искусством делать так, чтобы никто не знал всех подробностей его жизни.

Моя подруга, которая является выздоравливающей наркоманкой, однажды описала то, что она называла правилом «без разговоров» в таких семьях, как ее. «Мы выросли в семьях, где нам говорили: «Не задавай вопросов, не говори и не рассказывай», — сказала она. Это был кодекс секретности, и от этих секретов и лжи меня охватил сильный стыд». Эта книга — для всех, кто имеет мужество говорить правду, задавать наболевшие вопросы и освободиться от теней прошлого.

— Чарльз Р. Кросс
Сизл, Вашингтон

Апрель 2001 года

Пролог

Тяжелее небес

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк
12 января 1992

Тяжелее Небес

– Рекламный лозунг, используемый британскими концертными промоутерами для описания тура Nirvana 1989 года с группой Tad. Он символизировал как «тяжелое» звучание Nirvana, так и вес Тэда Дойла в 300 фунтов¹.

Впервые Курт увидел небеса ровно через шесть часов пятьдесят семь минут после того, как в него влюбилось целое поколение. Удивительно, но это была его первая смерть. Самая ранняя из многих маленьких смертей, которые последуют за ней. Для поколения, которое было от него без ума, это была страстная, мощная и связующая преданность. Та любовь, которая еще только начинается, а вы уже знаете, что она создана, чтобы разбить ваше сердце и закончиться подобно греческой трагедии.

На календаре было 12 января 1992 года. За окном – ясное, но прохладное воскресное утро. Потом температура в Нью-Йорке поднимется до 44 градусов², но в 7 утра небольшой номер отеля Omni был почти обледеневшим. Окно оставили открытым, чтобы выветрился запах сигарет, и манхэттенское утро украло все тепло. Сама комната выглядела так, словно ее захлестнула буря: на полу с хаотичностью слепого торговца были разбросаны груды платьев, рубашек и обуви. У двойных дверей номера стояло с полдюжины сервировочных подносов, усеянных остатками еды. Наполовину съеденные булочки и заплесневелые ломтики сыра валялись

¹ Примерно 136 кг.

² Примерно 6,5 по Цельсию.

на подносе, а над увядшим салатом парила горстка фруктовых мух. Это было не типичным состоянием номера четырехзвездочного отеля, а последствием того, что кто-то попросил горничную держаться подальше от их номера. Они заменили табличку «Не беспокоить» на «Никогда не беспокоить! Мы трахаемся!»

Этим утром никаких сексуальных контактов не было. На огромной кровати спала 26-летняя Кортни Лав. На ней была старомодная викторианская комбинация, и ее длинные светлые волосы

КУРТ БЫЛ СЛОЖНЫМ,
ПРОТИВОРЕЧИВЫМ
МИЗАНТРОПОМ,
И ТО, ЧТО ИНОГДА
КАЗАЛОСЬ СЛУЧАЙНОЙ
РЕВОЛЮЦИЕЙ,
ПОДАВАЛО ПРИЗНАКИ
ТЩАТЕЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ.

разметались по простыне, словно локоны сказочного персонажа. Рядом с ней – глубокий след, где недавно лежал человек. Как во вступительной сцене нуарного фильма, в комнате был труп.

«Я проснулась в 7 утра, а его не было в постели, – вспоминала Лав. – Я никогда не была так напугана».

Исчезнувшим из кровати был 24-летний Курт Кобейн. Менее чем за семь часов до этого Курт и его группа Nirvana выступали на шоу Saturday Night Live¹. Их появление в программе станет переломным моментом в истории рок-н-ролла: впервые грандж-группа получила прямую трансляцию по национальному телевидению. В тот же уик-энд альбом *Nevermind* – крупный лейбл-дебют Nirvana – сместил Майкла Джексона с первой строчки чарта Billboard, став самым продаваемым альбомом в стране. Этот успех не был мгновенным, группа существовала уже четыре года, и способ, которым Nirvana застала музыкальную индустрию врасплох, был беспрецедентным. Практически неизвестная годом ранее, Nirvana штурмовала чарты со своей песней Smells Like Teen Spirit, которая стала самой узнаваемой песней 1991 года, и ее начальный гитарный рифф ознаменует истинное начало рока девяностых.

И никогда еще не было такой рок-звезды, как Курт Кобейн. Он был скорее антизвездой, чем знаменитостью, отказываясь ездить на лимузине на NBC и проявляя бережливость во все, что делал.

¹ «Субботним вечером в прямом эфире» – популярное вечернее музыкально-юмористическое телешоу на американском телеканале NBC.

На Saturday Night Live Курт был одет так же, как и в предыдущие два дня: полукеды Converse, джинсы с большими дырами на коленях, футболка с рекламой малоизвестной группы и кардиган в стиле Мистера Роджерса¹. Он не мыл голову уже неделю, но выкрасил ее клубничным «Кул-Эйдом»², отчего его светлые локоны выглядели так, будто они слиплись от засохшей крови. Никогда еще в истории телевидения с прямым эфиром исполнитель не уделял так мало внимания своей внешности или гигиене. По крайней мере, складывалось такое впечатление.

Курт был сложным, противоречивым мизантропом, и то, что иногда казалось случайной революцией, подавало признаки тщательной подготовки. Во многих интервью Курт заявлял, что терпеть не может то, каким его выставляет MTV, однако он неоднократно звонил своим менеджерам, чтобы пожаловаться на то, что телесеть воспроизводит его музыкальный клип недостаточно часто. Курт одержимо – и навязчиво – планировал каждое музыкальное или карьерное направление, записывая идеи в свои дневники еще за много лет до того, как они были воплощены в реальность. Но когда Курту оказывали почести, которых он добивался, Курт вел себя так, как будто для него это было неким неудобством, из-за которого ему приходится встать с постели. Он был человеком внушительной воли, но в то же время движимым сильной ненавистью к самому себе. Даже те, кто был уверен, что хорошо знает Курта, начали в этом сомневаться. И события того воскресного утра подтверждали это.

Завершив выступление на Saturday Night Live и пропустив вечеринку для музыкантов, объяснив это тем, что она «не в его стиле», Курт дал двухчасовое интервью радиожурналисту, длившееся до четырех утра. Его рабочий день наконец-то закончился. По любым стандартам он был исключительно успешным. Курт был хедлай-

¹ Фред Роджерс – американский телеведущий, музыкант, кукольник, сценарист, продюсер и пресвитерианский проповедник. Широко известен как создатель, композитор, продюсер, сценарист, шоураннер и ведущий детской телепрограммы «Соседство мистера Роджерса» (1968–2001).

² Kool-Aid – бренд ароматизированной смеси для напитков от чикагской компании Kraft Heinz. Примечательно, что в США он считается культовым напитком, потому что связан с различными сектами, которые разводили данный порошок в большом чане, добавляли туда цианид и другие препараты и совершали массовое самоубийство.

нером на Saturday Night Live и узнал о том, что его альбом стал хитом № 1. Странный Эл Янкович спросил разрешения сделать пародию на Teen Spirit. В совокупности эти события, несомненно, ознаменовали апогей его короткой карьеры, того признания, о котором большинство исполнителей только мечтают и о котором грезил и сам Курт, будучи подростком.

Выросший в маленьком городке на юго-западе штата Вашингтон, Курт никогда не пропускал ни одного эпизода Saturday Night Live и хвастался своим друзьям в средней школе, что однажды станет звездой. Десять лет спустя он стал самой известной музыкальной личностью. Уже после второго альбома его провозгласили величайшим автором песен своего поколения, а ведь всего два года назад его не приняли на работу по уборке собачьих вольеров.

Но в те предрассветные часы Курт не чувствовал ни причин, ни желания праздновать. Даже наоборот, это внимание лишь усилило его обычное недомогание. Курт чувствовал себя физически больным, страдая от того, что он описал как «повторяющиеся жгучие тошнотворные боли» в животе, усугубленные стрессом. Слава и успех, казалось, только ухудшали его самочувствие. Курт и его невеста Кортни Лав были самой обсуждаемой парой рок-н-ролла, хотя некоторые из этих разговоров были на тему злоупотребления наркотиками.

Курт всегда верил, что признание его таланта излечит многие эмоциональные боли, которые определяли его раннюю жизнь. Став успешным, он доказал глупость этой надежды, и стыд, который Курт испытывал, лишь усилился из-за того, что его растущая популярность совпала с растущей наркоманией.

Ранним утром в своем гостиничном номере Курт взял маленький пластиковый пакетик белого китайского порошка, заправил его в шприц и ввел себе в руку. Само по себе это не было чем-то необычным. Курт регулярно употреблял в течение нескольких месяцев, и за те два месяца, что они были вместе, Лав присоединилась к нему. Но именно в эту ночь, пока Кортни спала, Курт опрометчиво – или намеренно – употребил гораздо больше безопасной дозы. Передозировка придала его коже аквамаринový оттенок,

В течение одного–
единственного
дня Курт родился
на глазах публики,
умер в уединении
своей собственной
тьмы и был
воскрешен силой
любви.